

А. Ремон

**Юность королевы Катерины
Медичи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Ремон**
Юность королевы Екатерины Медичи / А. Ремон – М.: Книга по Требованию,
2017. – 212 с.

ISBN 978-5-458-12775-2

ISBN 978-5-458-12775-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Считаемъ не лишнимъ представить въ началѣ этой книги (*) краткій біографическій очеркъ той, о юности которой мы повѣствовать намѣрены.

Катерина Медичи, супруга Французскаго короля Генриха II, родилась во Флоренціи въ 1519 году и умерла въ 1589 году, 70-ти лѣтъ отъ рожденія. Она имѣла трехъ сыновей: Франциска II, Карла IX и Генриха III, кото-

(*) *Юность королевы Катерины Медичи.* Эта книга имѣла, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи большой успѣхъ.

рые всѣ трое были королями Франціи. По этому-то и говорятъ, что она была дочерью, супругою и матерью королей. Имѣя только тринадцать лѣтъ въ то время, когда ее привезли во Францію, въ качествѣ невѣсты Генриха Орлеанскаго, втораго сына короля Франциска I-го; подвергнувшись съ самаго своего рожденія жесточайшимъ превратностямъ судьбы; лишившись отца и матери черезъ двадцать два дня своей жизни; сдѣлавшись въ восемь лѣтъ арестанткою; являсь на свѣтъ въ траурѣ, какъ выражается поэтически г. де-Рѣмонъ, — Катерина Медичи, какъ иностранка, не имѣвшая никакого вѣса, ни приверженцевъ при дворѣ Франциска I-го, старалась держаться въ сторонѣ и желала, чтобы даже забыли объ ея существованіи. Будучи бесплодною въ первыя десять лѣтъ своего замужества, будучи унижаема Діаною Пуатье, своею дерзкою соперницею, она умѣла избѣжать развода съ мужемъ, и безропотно все переносила. Показывая себя всегда покорною волю короля, своего тестя, и предъупреждая малѣйшія желанія своего супруга, Генриха Орлеанскаго, она умѣла

заставить любить себя, какъ того, такъ и другаго. Однако, подъ этою покорностію и этою наружною преданностію, она скрывала уже свои честолюбивые виды. Брантѡмъ рассказываетъ, что когда король отправлялся на охоту, она всякій разъ просила его взять ее съ собою. «Но она, говоритъ онъ, дѣлала это болѣе для «того, чтобы слѣдить за поступками короля, «узнавать чрезъ это нѣкоторыя тайны, подслу- «шивать разговоры, и вообще освѣдомляться «обо всѣхъ дѣлахъ, нежели собственно для «охоты.» И такъ, она изучала будущую свою роль и брала уроки политики, чего никто и не подозрѣвалъ. Такъ-какъ въ то время она была занята мыслию о томъ, какъ бы проникнуть въ тайны политики, то весьма вѣроятно, какъ говоритъ Брантѡмъ, что поведеніе ея въ эту эпоху было безукоризненно, и что она болѣе служила дѣвственной богинѣ охоты—Діанѣ, нежели богинѣ любви Венерѣ. Но это было не всегда такъ, не смотря на удостовѣреніе нашего лѣтописца. Исторія сохранила намъ имена Франциска Вандома, Шартрскаго

видама (*) и Троилюса де-Мегуеца, которые оба были отличены Катериною Медичи, въ особенности Мегуецъ, для котораго она переименовала въ маркизство землю ла-Рошъ,—Мегуецъ, которъй, по словамъ одного лѣтописца, не слишкомъ-то скромно пользовался добрымъ ея расположеніемъ къ себѣ. Генрихъ Эстьень въ своей апологіи Геродоту не восхваляетъ, однако, непорочности Катерины. Когда прочитали ей то мѣсто, которое къ ней относилось, то она воскликнула: «Эстьень могъ бы сказать про меня много чего и другаго!» Есть еще другой фактъ, мало извѣстный, которъй почти также мало свидѣтельствуеть о непорочности и цѣломудріи Катерины. Она вѣрила въ астрологію, какъ и всѣ почти ея современники: это было въ то время тоже, что въ наше время магнетизмъ. И такъ, чтобъ лучше поставить себя въ прямое отношеніе со звѣздами, и чтобъ астрологи ея могли лучше дѣлать свои исчисленія, она позволила изобразить себя на медалѣ нагою, между созвѣздіями *Овна*

(*) Видамъ, —начальникъ епископскаго войска.

и *Тельца*, держащую въ одной рукѣ сердце, а въ другой копьѣ, подъ ногами ея было вырѣзано имя *Эбуледъ-Асмодей*; а на томъ мѣстѣ, гдѣ на медаляхъ обыкновенно означаетя годъ, было вырѣзано другое имя—*Оксель*. Медаль эта и по нынѣ существуетъ.

Но приведенные нами факты имѣютъ только второстепенную важность, когда дѣло коснется того, чтобъ судить о Катеринѣ, какъ о королевѣ, какъ о женщинѣ-политикѣ, какъ о во-вѣки проклинаемой виновницѣ Варооломеевской ночи.

Катеринѣ было 39 лѣтъ, когда умеръ Генрихъ II и на престолъ Французскій вступилъ Францискъ II, старшій сынъ ея. Тогда она ясно увидѣла все вліяніе и всю популярность Гизовъ, которые, собственно говоря, царствовали подъ именемъ юнаго короля. Они были слишкомъ могущественны, и потому Катеринѣ нельзя было и думать имъ противиться; она сблизилась съ ними сперва для того, чтобъ удалить коннетабля Анну-Генриха Монморанси, который мѣшалъ ей свободно дѣйствовать; но когда, послѣ неудачной Амбуазской по-

пытки, которой гибельный для протестантовъ конецъ еще болѣе увеличилъ власть Гизовъ, — когда, говоримъ мы, она увидѣла высокоуміе и страшный деспотизмъ честолюбивыхъ Лотарингцевъ, то она тайно подала руку помощи протестантамъ, находившимся почти въ отчаянномъ положеніи.

Не рѣшаясь ни на что, будучи чужда страсти къ религіи, равнодушна къ ней, и даже сомнѣваясь въ ней, она занялась только тѣмъ, чтобъ узнать въ чемъ дѣло, чтобъ вполнѣ удостовѣриться основательнѣ-ли новое ученіе католической вѣры, и наконецъ, на какой именно сторонѣ находилась числительность, сила и выгоды государства. Когда же она убѣдилась, что большая часть народонаселенія придерживается старинному вѣрованію, что реформа была для простолюдиновъ съ одной стороны, и для дворянства съ другой, однимъ только средствомъ доставить торжество демократіи или феодализму, то она поняла, что королевской власти съ обѣихъ сторонъ угрожаетъ, если не гибель, то ограниченіе ея. Сверхъ того, весь народъ былъ

противъ реформы; страсти кипѣли, со всѣхъ сторонъ требовали уничтоженія гугенотовъ, всѣ общины, и Парижъ въ особенности, предвѣщали трагическую развязку.

Тогда Катерина приняла свое рѣшеніе. Не желая допустить, чтобы сильное смятеніе духовенства и народа вывело королевскую власть изъ границъ; боясь, можетъ быть, того, чтобы Гизы не нанесли прежде нея того удара, который она рѣшилась нанести сама, она обратилась къ сыну своему Карлу IX, царствовавшему въ то время, съ слѣдующими характеристическими словами: «Сынъ мой, развѣ вы хотите, чтобы Гизы сдѣлались королями Франціи?» И чтобы избавиться отъ Колigny, а, можетъ быть, также и отъ Гизовъ, которые равно грозили—одинъ королевской власти, а другіе самому королю, она задумала и приказала привести въ исполненіе ужасную рѣзню, чрезъ которую навѣки опозорила свое имя.

Какъ описать характеръ этой женщины! Будучи хитра, коварна, лаская тѣхъ, которые ее уязвляли и уязвляя тѣхъ, которые льстили

ей, не имѣя ни одной страсти, свойственной ея полу, пользуясь своими прелестями только для того, чтобы удачнѣе привести въ исполненіе свои планы, — хотя она, по словамъ Брантѳма, и была надѣлена отъ природы всѣмъ тѣмъ, что въ женщинѣ можетъ нравиться; будучи дѣятельна, мужественна, неутомима въ трудахъ кабинетныхъ, равно какъ и на войнѣ, Катерина Медичи была бы непостижимою загадкой, если бы намъ неизвѣстны были обстоятельства, при которыхъ она выросла, — обстоятельства такъ хорошо изложенныя Рёмономъ въ сочиненіи его о *королеви Катеринѣ Медичи*, которое мы представляемъ въ переводѣ просвѣщеннымъ читателямъ.

Материнская любовь и ласки ей были чужды; она любила одинъ только разъ въ жизни, но и въ этотъ одинъ разъ ей не суждено было вполне насладиться любовію; сдѣлавшись жертвою ненависти Флорентинцевъ къ фамиліи Медичей, она въ своемъ отечествѣ подвергалась униженіямъ, о которыхъ сохранила глубокое воспоминаніе и горькое чувство мщенія. По приѣздѣ во Фран-

цію, другія униженія, не такъ, можетъ быть, грубыя, но за то еще жесточайшія, ожидали ее, и окончательно ожесточили ея сердце,— если только можно сказать, что у Катерины Медичи было сердце! Надобно ли послѣ этого удивляться, что этотъ мощный и практический умъ, за неимѣніемъ другихъ страстей, получилъ страсть къ владычеству; что Катерина желала все подчинить своей волѣ, послѣ того, какъ она сама такъ долго была подчинена капризамъ судьбы и испытала жестокия нужды? Обстоятельства не рождаютъ характеровъ, но они развиваютъ ихъ:—дѣйствіе влечетъ за собою противудѣйствіе; долгое терпѣніе, постоянная неволя и зависимость должны были возбудить въ подобной женщинѣ сильнѣйшій взрывъ энергіи; но Катерина имѣла силу удерживать этотъ взрывъ и, дѣйствуя всегда съ осторожностію, была тверда и неумолима. Будучи еще терпѣливѣе Хримгильды, воспѣтой въ поэмѣ *Нибелунговъ* (*), которая въ продолженіе десяти лѣтъ

(*) *Nibelungen*, пѣснь Нибелунговъ, — поэма самая древняя изъ дошедшихъ до насъ и писанныхъ на германскомъ языкѣ.

скрывала свое мщеніе, Катерина болѣе двадцати лѣтъ таила стремленіе свое къ власти, и тогда... Но очень трудно судить о ней непогрѣшительно, руководствуясь излишнею строгостію или снисходительностію. Почти невозможно оставаться безпристрастнымъ при воспоминаніи объ ужасной рѣзниѣ, извѣстной въ исторіи подъ именемъ *Варфоломеевской ночи*; кровь такого множества жертвъ вопіетъ о мщеніи... во мщеніе не есть правосудіе!